

МАЯТНИК

АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВА

Анастасия Степанова

Маятник

«Автор»

2026

Степанова А.

Маятник / А. Степанова — «Автор», 2026

Алиса привыкла к строгим костюмам, годовым отчётам и полному контролю. Марк живёт в мире гитарных рифов, недописанных песен и вечного беспорядка. Обычная уличная стычка у кофейни — и наутро каждый просыпается в теле другого. Их ждёт не просто смена гардероба. Им предстоит столкнуться с собственной уязвимостью, чужой болью и тем страхом, который они так долго прятали. Обмен телами повторяется снова и снова. Маятник качается между порядком и хаосом, заставляя их прожить не свою жизнь, чтобы наконец присвоить свою. И когда между ними встаёт тишина, которая громче любого грома, каждый должен сделать выбор: остаться в своей крайности или рискнуть и встретиться в центре.

© Степанова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зеркало над раковиной	5
Шёлковые простыни	10
Стратегия выживания	14
Творческий кризис	17
Девушка в красном	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анастасия Степанова

Маятник

Зеркало над раковиной

Звон разбитой бутылки, резкое «Смотри под ноги!» и ответное «Сама смотри, куда прёшь!» — так они встретились. Минутная стычка на тротуаре возле кофейни, где он подрабатывал бариста. Она, Алиса, спешила на важные переговоры в идеально скроенном костюме, с дорогой сумкой через плечо. Он, Марк, выносил мусор в заляпанном фартуке, мысли витали где-то между недописанной песней и счётом за квартиру. Их взгляды скрестились — раздражённый, уставший — и разлетелись. Казалось, навсегда.

А ночью случилось то, что не объяснить логикой.

Алиса проснулась от запаха плесени и старого ковра. Не её французские духи, а запах немытого тела и дешёвого стирального порошка. Голова гудела, в комнате был бардак.

Правая рука потянулась к лицу и замерла на полпути. Чужая рука. Длинные пальцы, след от мозоли на указательном — гитарная струна, догадалась она. Обгрызенный ноготь на мизинце. Фу.

— Господи, — прошептала она и услышала низкий, хриплый мужской голос.

Её передёрнуло. Она зажала рот ладонью. Ладонь пахла дешёвым мылом и сигаретами. Он курит? Прекрасно. Просто прекрасно.

Зеркало над раковиной показало ей вчерашнего парня из кофейни. Зелёные глаза, тёмные круги под ними, щетина на щеках. Она прикоснулась к подбородку — колется. Новое ощущение, абсолютно чужое. Её кожа всегда была гладкой, ухоженной, с лёгким следом тонального крема. А тут — колючки и расширенные поры.

Она умылась ледяной водой, потому что горячая не шла. Зубы чистила пальцем с пастой, потому что единственная щётка в стаканчике выглядела как орудие пытки. Её собственная зубная щётка, оставшаяся в другой жизни, была электрической, с насадкой для массажа дёсен.

Телефон завибрировал неожиданно, Алиса нашла его на полу у кровати. Треснутый экран, модель трёхлетней давности. На заставке — какой-то рок-музыкант с гитарой. Высветилось: «Серёга. Кофейня».

Алиса ответила. Сказала: «Слушаю».

Из трубки донеслось:

— Марк, ты где? У тебя смена с восьми! У меня тут запара, Ленка заболела, народу тьма. Давай дуй!

Алиса открыла рот, чтобы объяснить, что это ошибка, что она не Марк, что она вообще в чужом теле и что прямо сейчас она вызывает своего юриста. Но что-то остановило. Пазл

сложился мгновенно: если она заявит о случившемся, её сочтут сумасшедшей. Если не явится на работу Марка — его уволят, он останется без денег, а она застрянет в теле без гроша. Значит, надо играть.

— Буду, — сказала она низким голосом и повесила трубку.

Кофейня. Она должна работать бариста. Она — Алиса, выпускница Гарвардской школы бизнеса, управляющая проектами с бюджетом в несколько миллионов, будет варить кофе в заляпанном фартуке.

Она нашла джинсы — те самые, вывернутые. Брезгливо встряхнула, надела. Футболка пахла застарелым потом. Она задержала дыхание и натянула её через голову. Волосы — его волосы — взъерошились и упали на лоб. Она попыталась пригладить их ладонью, но они не слушались.

Кофейня называлась «Зёрна и Струны» — типичное хипстерское место с голыми кирпичными стенами, лампочками Эдисона и меню, написанным мелом на чёрной доске. Алиса знала это место, потому что проходила мимо, но никогда не заходила внутрь. Зачем ей, если у неё в офисе профессиональная кофемашина и личный ассистент, который готовит идеальный американо?

Когда она вошла, пахло жжёным сахаром и корицей. За стойкой стояла девушка с дредами и уставшим лицом — на бейдже было написано «Ирина». Она кинула на Алису испепеляющий взгляд:

— Явился, не запылится. Фартук на гвозде, перчатки в коробке. У нас сегодня три вида безлактозного на растительном. Не перепутай, как в прошлый раз!

Алиса застыла посреди зала, ощущая себя самозванкой, которую вот-вот выведут на чистую воду. Вокруг неё сновали люди — бариста, официанты, какие-то парни, таскающие мешки с кофе. Все они знали Марка. Ждали от него определённых действий. Слов. Реакций.

Она шагнула за стойку, схватила фартук — заляпанный, в пятнах кофе и молока — и повязала его с тем же чувством, с каким надевают тюремную робу.

Первые пять минут были катастрофой.

— Один флэт уйди на кокосовом, двойной эспрессо и капучино на обычном, — скороговоркой бросила Ирка, не глядя на неё.

Алиса уставилась на кофемашину. Эта хромированная громадина с кучей кнопок, рычагов и манометров напоминала пульт управления космическим кораблём. В её мире кофе делал ассистент. Или кофемашина в лобби бизнес-центра, где достаточно нажать одну кнопку. Здесь же всё шипело, плевалось паром, скрежетало — и она понятия не имела, с чего начать.

Она взяла какую-то металлическую штуку — позже она узнает, что это холдер, — и попыталась вставить её в паз. Штука не лезла. Парень рядом, которого Ирка назвала Кириллом, покосился на неё с подозрением:

— Марк, ты чего? Опять не спал? Это холдер для двойного, а тебе нужен одинарный.

Спасительная мысль: она ничего не умеет. Вообще.

— Мне... в туалет надо, — выдавила она, надеясь, что голос звучал естественно.

В туалете для персонала она оперлась о край раковины, чувствуя, как дрожат пальцы, и вдохнула запах мокрого картона и хлорки. Спокойно. Она — Алиса, выпускница Гарвардской школы бизнеса, женщина, которая провела переговоры с японцами при температуре тридцать восемь и пять и выиграла. Она не может провалиться на приготовлении капучино.

Решение пришло жёсткое и прагматичное: она больна. Отравилась. Кишечный грипп. Что угодно, лишь бы убратись отсюда.

Она вернулась в зал, стараясь не встречаться ни с кем глазами, и подошла к Серёге — он оказался тем самым менеджером, который звонил. Высокий, лысеющий, с лицом человека, который давно перестал ждать от жизни приятных сюрпризов.

— Серёг, я не могу сегодня, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал жалобно, а не властно. — Отравился. Всю ночь... ну, ты понял.

Серёга посмотрел на неё долгим взглядом, от которого Алисе захотелось провалиться сквозь грязный кафель.

— Марк, это второе твоё «отравление» за месяц. Ещё одно — и я тебя уволю. Мне плевать на твои песни и твои творческие порывы. Кофейня — это бизнес.

Он сплюнул это слово — «бизнес» — с презрением человека, который ненавидит свою работу, но гордится тем, что умеет её делать лучше других. Алиса могла бы прочитать ему лекцию о том, что такое настоящий бизнес. Могла бы рассказать про бюджеты в десятки миллионов и переговоры на уровне советов директоров. Но она была в теле парня, который вот-вот вылетит с работы за прогулы.

Поэтому она просто кивнула и вышла на улицу.

На скамейке возле кофейни она достала телефон Марка. Пароль, слава богу, был отключен — типичная беспечность творческого человека. Она нашла список контактов. «Мама», «Серёга», «Кирюха-звукарь», «Арендодатель-Серёга». Ни одного знакомого имени. Ни одной зацепки.

Алиса напряглась, стараясь вспомнить свой собственный номер. Сначала в памяти появилась её визитка, потом цифры на ней. Алиса набрала номер и стала ждать. Гудок. Ещё один.

А потом механический голос сообщил, что абонент не может взять трубку. Алиса чертыхнулась сквозь зубы — низко, утробно, совершенно по-мужски. Она представила, как её собственный телефон, оставшийся в элитной квартире с панорамным видом, разрывается от вибрации, а Марк — или кто сейчас в её теле — тупо смотрит на экран, пытаясь сообразить, как ответить на звонок с неизвестного номера.

Стоп. А если он ещё спит? Время — только начало девятого. Если этот парень работал в вечернюю смену и писал песни до утра, её тело сейчас, скорее всего, безмятежно дрыхнет, раскинувшись на ортопедическом матрасе. Мысль о том, что кто-то спит в её постели, вызвала приступ тошноты. Нет, нужно брать ситуацию под контроль.

Она набрала сообщение на разбитом экране — пальцы срывались, непривычно большие, задевая сразу по три клавиши:

«Марк, это Алиса. Мы вчера столкнулись у кофейни. Не паникуй, это взаимно. Перезвони мне на этот номер, как только проснёшься. Никому ничего не говори. Особенно моему ассистенту».

Отправила. Теперь оставалось только ждать.

Ледяной утренний воздух ударил в спину, и футболка мгновенно стала влажной и холодной. Алиса поёжилась и вдруг заметила то, на что не обратила внимания раньше, — на левом запястье, там, где её собственные «Карты» привычно отмеряли минуты деловых встреч, у Марка красовалась татуировка. Грубый камертон и нотный стан. Это выглядело... до жути трогательно.

Ей нужно было где-то пересидеть. Возвращаться в его холостяцкую берлогу, пропахшую табаком и отчаянием, не хотелось. Но оставаться на улице в восьмом часу утра было глупо. Она машинально сунула руки в карманы джинсов. В левом — мятая пачка сигарет и зажигалка. В правом — сложенный вчетверо листок и мелочь.

Алиса вытащила листок. Это был текст песни, написанный корявым, летящим почерком. Буквы плясали, строчки съезжали вниз, но цепляли глаз. Вверху было написано: «Для тех, кто не спит на рассвете».

Она пробежала глазами первую строфу и внезапно замерла. Это было... неожиданно сильно. По-настоящему. Не та бездарная графомания, которую она ожидала увидеть от парня, роющегося в мусорных баках кофейни. Строчки были сырыми, но в них чувствовался нерв.

Алиса перечитала припев — и вдруг, вопреки всему, усмехнулась. Этот парень, Марк, жил в мире, где можно проспять работу, питаться дошираком и писать стихи на салфетках. Она жила в мире годовых отчётов и стратегий. И теперь они меняются местами.

Кто знает, может быть, это шанс доказать, что настоящий менеджмент работает даже в условиях абсолютного форс-мажора?

Она решительно поднялась со скамейки и направилась обратно в «Зёрна и Струны». Серёга удивлённо вскинул брови, и она сказала:

— Прости, Серёг. Ложная тревога. Отпустило. Давай этот чёртов флэт уйдёт на кокосовом. Только покажи, где у вас тут инструкция к этой адской машине.

Серёга крикнул и неожиданно расхохотался:

— Инструкция? Марк, да ты на неё полгода назад пиво пролил, она склеилась! Ладно, Ирка, покажи этому страдальцу всё заново. Видимо, у него склероз от недосыпа.

И Алиса, сжав зубы и мысленно попрощавшись со своим маникюром, встала за стойку. Ей предстояло освоить профессию, которой она никогда не интересовалась, и прожить день в шкуре человека, чей образ жизни она презирала.

Где-то в элитном районе города, в тишине спальни с панорамными окнами, в этот самый момент зазвонил будильник на её телефоне. И Марк, проснувшись от звуков классической музыки и увидев перед собой идеально белую стену без единого постера, впервые за долгое время не знал, что ему делать со своей жизнью. Потому что это была не его жизнь.

Шёлковые простыни

В то же утро Марк пришёл в себя на шёлковых простынях в лофте с панорамными окнами.

Первое, что он почувствовал, — запах. Не тот, к которому он привык просыпаться: пыльный ковёр, застарелый табак и одинокий носок не первой свежести. Здесь пахло дорогими духами — что-то древесное, с нотами цитруса и чего-то, что пахнет уверенностью. И ещё — свежим постельным бельём, тем самым, которое гладят, а не комкают в углу.

Он сел. Вернее, попытался сесть — тело слушалось иначе. Центр тяжести сместился, движения стали плавнее, легче. Он поднёс руку к лицу и замер. Тонкая кисть, длинные пальцы, безупречный маникюр. Ноготь постучал по зубу — звук выше, чем должен быть. Марк потрогал лицо: гладкая кожа, никакой щетины, мягкие скулы.

И тут он рассмеялся.

Звонко, искренне, на всю огромную пустую спальню. Смех вырвался серебристым ручьём — даже голос был чужим, женским, с той самой интонацией, которую он вчера услышал на тротуаре: «Сама смотри, куда прёшь!». Он узнал её мгновенно. Телесная память подсказала безошибочно: это та самая выскочка в костюме.

— Да ла-а-а-адно, — протянул он, и получилось мелодично, почти мурлыкающе.

Марк спустил ноги с кровати. Пол был тёплым — какой-то хитрый подогрев, о котором он читал в журналах, но никогда не видел вживую. Он пошевелил пальцами ног, наслаждаясь ощущением. Затем встал и едва не рухнул обратно — тело слушалось, но баланс был совершенно другим. Пришлось ухватиться за изголовье.

— Спокойно, Марк, — сказал он сам себе. — Ты в чужой шкуре. Наслаждайся.

Огляделся. Спальня была размером со всю его квартиру. Огромное окно от пола до потолка выходило на парк — настоящий парк, с деревьями и прудом. В его районе окна выходили на мусорные баки и глухую стену соседнего дома. Марк присвистнул.

Гардеробная встретила его раздвижными дверями с подсветкой. Внутри — ряды строгих костюмов, блузок пастельных тонов, классических лодочек на шпильке, полки с сумками, каждая из которых стоила, наверное, больше, чем его годовая аренда.

— Скучнотища, — констатировал он, проводя рукой по вешалкам. Ни одной косухи, ни одной футболки с группой. Даже джинсы отсутствовали — только идеально отглаженные брюки со стрелками.

Он нашёл шёлковый халат — единственную вещь, которая выглядела хоть сколько-нибудь комфортно, — и надел его, завязав пояс небрежным узлом. Ткань скользнула по коже, и Марк снова усмехнулся. Это тело было потрясающим. Сильным, мягким, живым.

— Так, — сказал он, выходя из гардеробной. — Первым делом — завтрак. Посмотрим, чем питаются акулы бизнеса.

Кухня была хромированно-белой, стерильной, как операционная. Холодильник — двухдверный агрегат, напичканный электроникой. Марк распахнул его и разочарованно вздохнул: творог, сельдерей, яйца, авокадо, минералка без газа, зелёные смузи в стеклянных бутылках.

— Ни колбасы, ни сыра, — пробормотал он. — И как вы тут выживаете?

Он захлопнул холодильник и увидел на столешнице телефон. Её телефон. Последняя модель, без единой царапины, в чехле из натуральной кожи. Он взял его в руки, покрутил. Экран попросил пароль. Марк хмыкнул: конечно, он не знал никакого пароля. Но у него теперь были её пальцы. Он прижал большой палец к сканеру — и экран послушно загорелся. Три пропущенных звонка с незнакомого номера. И сообщение. Марк прочитал его, шевеля губами:

«Марк, это Алиса. Мы вчера столкнулись у кофейни. Не паникуй, это взаимно. Перезвони мне на этот номер, как только проснёшься. Никому ничего не говори. Особенно моему ассистенту».

Он хмыкнул. Перевернул телефон экраном вниз.

— Не паникуй. Смешная ты, Алиса. С чего мне паниковать? Это ты там, в моей берлоге. А я тут. В раю.

Он нашёл приложение доставки еды и, не раздумывая, заказал двойную пеперони с сырным бортиком и чесночными палочками. Карта Алисы уже была привязана к приложению — даже напрягаться не пришлось. Через секунду пикинула СМС от банка: «Списание по карте *4247. Доставка. Сумма 1890 руб.». Марк усмехнулся и смахнул уведомление.

Затем, исследуя гостиную, наткнулся на бар — стеклянный шкаф с коллекцией виски.

— Ого, — выдохнул он, разглядывая бутылки. Он взял одну наугад — «Лагавулин», шестнадцать лет выдержки. — А вот это уже разговор.

Он плеснул на два пальца в хрустальный стакан, включил на полную громкость умную колонку и нашёл в стриминговом сервисе плейлист «Грязный гаражный рок». Из колонок ударили гитарные риффы, заматались эхом по высоким потолкам.

Марк устроился на диване — огромном, угловом, из белой кожи. Закинул ноги на стеклянный журнальный стол. Сделал глоток виски. Почувствовал, как тепло расходится по телу.

Пицца приехала через двадцать минут. Он съел половину, запивая виски и хохоча над какой-то тупой комедией по телевизору. Затем решил исследовать ванную — и на полчаса завис в джакузи, перепробовав все режимы гидромассажа. Пена пахла лавандой и эвкалиптом. У неё было семь видов шампуней. Семь.

— Как можно выбрать из семи шампуней, — бормотал он, разглядывая баночки. — Это же экзистенциальный кризис каждое утро.

Он выбрал тот, что пах кокосом, и вымыл голову с чувством абсолютного, ничем не замутнённого счастья.

Выйдя из ванной, замотанный в полотенце, он мельком глянул в зеркало и замер. Оттуда на него смотрела обнажённая женщина. То есть — он смотрел. Но тело было женским. Чужое тело, в котором он сейчас находился. Марк моргнул.

— Ну, — сказал он своему отражению, — здравствуйте.

Он постоял так несколько секунд, разглядывая то, что обычно видел только на картинках. Затем пожал плечами — жест получился странно изящным, — поправил полотенце и отправился обратно в гардеробную.

Он успел сделать маску для лица — нашёл в ящике, пахла огурцом. Перемерить половину гардеробной, с комментариями: «Боже, как вы в этом ходите? Это же орудия пытки!». И найти запасной ключ от машины. Затем, сверившись с приложением такси, пробормотал: «Ладно, тачку пока не трогаем — я даже не знаю, с какой стороны у неё руль».

Плюхнувшись обратно на диван, к остаткам пиццы и стакану виски, он выдохнул:

— Хорошо быть богатым.

Идиллия кончилась ровно в тот момент, когда в прихожей раздался мелодичный перезвон — кто-то знал код от входной двери. Должно быть, прислуга. Или, что хуже, тот самый ассистент, о котором предупреждала Алиса.

Марк выронил пульт от телевизора. С колонки продолжало орать что-то брутальное про апокалипсис, пицца лежала на столе, а на журнальном столике, в разводах от виски, красовались его босые пятки с идеальным педикюром. Он не успел ничего — даже слезть со стола.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина в безупречном костюме, с кожаным портфелем и выражением лица, которое могло принадлежать только личному ассистенту. Или похоронному распорядителю.

— Доброе утро, Алиса Андреевна, — произнёс он, делая шаг в квартиру. И замер.

Перед ним сидела его безупречная начальница: в халате нараспашку, с куском пиццы в одной руке и стаканом виски в другой, босая, лохматая. Тишина длилась вечность. Рок надрывался.

Марк помахал рукой.

— Э-э-э... здорова.

Ассистент моргнул дважды, словно надеясь, что это оптическая иллюзия.

— Алиса Андреевна. Через сорок минут встреча с региональными директорами. Вы просили напомнить. Презентация готова, машина подана.

Марк глянул на пиццу, на виски, на ассистента. Пазл сложился в его голове с той же неотвратимостью, с какой разбилась вчерашняя бутылка.

Вот оно. У этой жизни, оказывается, есть встречи. Региональные директора. Презентации.

Он проглотил пиццу и улыбнулся той самой лучезарной улыбкой Алисы, которая могла растопить любого инвестора. Только сейчас в ней было слишком много панк-рока.

— Слушай... как тебя там? — спросил Марк. — А давай-ка ты расскажешь мне, что у нас по повестке.

И тут же понял: кажется, этот спорткар сейчас поедет на совещание.

Стратегия выживания

Совещание Марк начал с того, что опоздал на семь минут. Не специально — он действительно пытался разобраться, какая из двадцати кнопок в лифте ведёт на нужный этаж. Офис Алисы располагался на сорок втором, и пока кабина несла его вверх, он успел трижды пожалеть о выпитом виски. Не потому, что опьянел — тело Алисы, привыкшее к хорошему алкоголю, держало удар. А потому, что надо было срочно придумывать легенду.

В приёмной его встретила секретарша — точёная блондинка с бейджем «Вероника». Она подскочила при виде начальницы и затараторила:

— Алиса Андреевна! Там уже все собрались. Региональные на связи по Зуму. Презентацию я загрузила. Кофе?

Марк вспомнил свою кофейню, Ирку с дредами, гудящую кофемашину и бойлер, который тёк третий месяц. Захотелось рассмеяться.

— Нет, Вероника, — сказал он и добавил, сам не зная зачем: — Кофе — это прошлый век. Принеси... мятный чай. И мармеладных мишек. У вас тут есть мармеладные мишки?

Вероника замерла. Алиса Андреевна никогда не просила мармеладных мишек. Алиса Андреевна вообще, кажется, не ела сахар с две тысячи двадцатого года.

— Я... посмотрю, — выдавила она.

— Вот и славно, — Марк хлопнул ладонью по столу и направился в конференц-зал.

Внутри сидели двенадцать мужчин в костюмах. Все старше его — то есть её — минимум на десять лет. На огромном экране висели ещё шесть лиц из регионов. У всех был вид людей, которые пришли хоронить чью-то карьеру. Или бюджет.

Марк сел во главе стола. Поёрзал — кожаное кресло под ним скрипнуло. Закинул ногу на ногу и сбросил туфлю под столом. Пальцы ног вздохнули с облегчением. «Как она вообще ходит на этих ходулях?» — подумал он и повернулся к экрану.

— Друзья мои, — сказал он. — Давайте без церемоний. У нас проблема?

Повисла пауза. Глава юридического отдела — лысый, с багровым лицом — кашлянул:

— Алиса Андреевна, показатели второго квартала...

— Я видела показатели, — перебил Марк. Он не видел никаких показателей, но догадывался, что они плохие — иначе зачем весь этот цирк. — И знаете, что я думаю? Мы заигрались в перестраховку.

Ассистент застыл в углу с планшетом, готовый записывать протокол, но писать было решительно нечего.

Марк поднялся. Прошёлся вдоль стола, чувствуя, как юбка-карандаш сковывает шаг — тело помнило походку Алисы, и он поймал ритм.

— Вы боитесь ошибиться. Каждый из вас. Вы приходите на совещания с готовыми оправданиями, а не с идеями. Вот вы, — он указал на мужчину с усами, который сидел ближе всех. — Как вас зовут?

— Игорь Петрович. Коммерческий директор.

— Игорь Петрович. Что вы предлагаете? Лично вы. Без оглядки на бюджет, на совет директоров, на всё. Что бы вы сделали, если бы это была ваша компания?

Игорь Петрович открыл рот. Закрыл. Снова открыл. За пятнадцать лет работы с Алисой Андреевной никто ни разу не спрашивал его мнения вот так — в лоб, без повестки.

— Я бы... пересмотрел дистрибуцию в регионах. У нас Урал проседает, потому что мы работаем по старым контрактам, а конкуренты уже два года как...

— Отлично! — Марк хлопнул ладонью по столу. — Вот с этого и начнём. Урал. Что нужно?

Совещание покатилося под откос всех регламентов. Марк вытряхивал из людей идеи, как вытряхивают мелочь из карманов перед стиркой, — грубо, весело и абсолютно не по протоколу. Он не понимал половины терминов, но чувал интонации: когда человек верит в то, что говорит, а когда — просто отбывает номер. И каждый раз, когда кто-то начинал говорить штампами, он перебивал:

— А проще можно? — спрашивал он. — Как будто вы в баре с друзьями. Что не так?

Через час у них на доске висело семнадцать новых идей. Из них пять были откровенно безумными, три — потенциально гениальными, остальные — просто рабочими. Глава юридического отдела смотрел на Алису так, будто у неё выросла вторая голова — красивая, наглая и почему-то говорящая на человеческом языке.

Ассистент смотрел на это дикими глазами, но записывал. Вероника заглянула в зал с подносом. На подносе стоял мятный чай и пакетик мармеладных мишек. Марк поднялся, потянулся всем телом — хрустнули чужие позвонки — и выдал финальное резюме:

— Перерыв пять минут. Всем советую съесть что-нибудь сладкое. Мозгам нужна глюкоза. И сунул в рот мармеладного мишку.

Ирка оказалась терпеливым учителем. Сначала она показала, как держать холдер — «не как гранату, Марк, расслабь пальцы». Алиса сжала рукоять слишком сильно, и молотый кофе просыпался мимо. Со второго раза получилось ровнее. Ирка кивнула и перешла к молочнику.

Взбивать молоко оказалось сложнее всего. Пистолет — так Ирка называла паровую трубку — шипел и плевался, молоко убегало через край. Первый кувшин пришлось вылить. На втором Ирка перехватила её руку своей и показала правильный угол наклона.

— Слышишь? — спросила она. — Не визг, а шипение. Как будто змея, только добрая.

Алиса прислушалась. Звук и правда изменился — стал ниже, мягче. Молочная пенка поползла вверх, плотная, глянцевая. Она влила молоко в эспрессо, качнула питчером раз, другой — и на поверхности проступило кривоватое сердечко.

— Ого, — сказала Ирка, заглядывая в чашку. — С первого раза. Способный ты, Марк, когда не с бодуна.

Алиса улыбнулась — той улыбкой, которой у неё никогда не было.

За четыре часа она освоила базовые операции: перемалывать зерно, темперовать кофе, различать капучино и латте — «у первого пены больше, у второго молока, и не перепутай, умоляю». Руки устали, плечи ныли, фартук покрылся новыми пятнами поверх старых. Но где-то к полудню она поймала ритм. Холдер в паз входил уже без заминки, молоко не убегало, а на душе даже появилось что-то похожее на удовлетворение.

В перерыв она выскользнула на улицу и снова набрала свой номер. Гудки. Длинные, бесконечные. Абонент сбросил.

Алиса заскрежетала зубами и сжала телефон так, что треснутый экран жалобно хрустнул. Затем заставила себя выдохнуть. Спокойно. Она — профессионал. Она найдёт способ вернуть контроль.

Она вернулась в кофейню, доработала смену, стараясь не думать о том, что творит Марк в её жизни. А после смены, сняв фартук и чувствуя, как гудят ноги в чужих стоптанных кедах, отправилась в квартиру Марка.

Квартира встретила её тем же запахом — плесень, старый ковёр, табак. Но теперь к нему добавился запах скисшего мусора. Алиса постояла в дверях, собираясь с духом.

— Ну уж нет, — сказала она низким голосом. — Я не буду жить в этом свинарнике.

Она нашла под раковиной огромные пластиковые пакеты и принялась за уборку.

Пустые бутылки из-под пива — в пакет. Коробки от доширака, засохшие так, что приходилось соскребать со столешницы, — туда же. Носки, обнаруженные в самых неожиданных местах: под диваном, за батареей, в кухонном шкафу — она брезгливо, двумя пальцами, скла-

дывала в отдельный мешок для стирки. Пыль вытирала старой футболкой, найденной в комод, — всё равно, судя по дырам, Марк её уже не носил.

Через час в окне показалось солнце. Алиса остановилась, оперлась на швабру и оглядела фронт работ. Чище. Однозначно чище. Но до её стандартов — как от Земли до Луны. Она села на кровать, теперь застеленную, без крошек, и снова набрала свой номер.

Длинные гудки.

Гудки.

И снова — «Абонент не отвечает».

Алиса сжала телефон в руке. Он, зараза такая, просто не брал трубку. Наслаждался её жизнью. Её квартирой. Её виски.

— Ты у меня дождёшься, Марк, — прошептала она его голосом. — Ты у меня очень сильно дождёшься.

Где-то на сорок-втором этаже делового центра в этот момент Марк доедал мармеладных мишек и рассказывал коммерческому директору, как надо работать с дистрибуцией. Телефон Алисы лежал экраном вниз — после того как он сбросил очередной входящий с незнакомого номера, даже не глядя. И чувствовал он себя абсолютно, неприлично счастливым.

Творческий кризис

На четвёртый день Алиса перестала вздрагивать от собственного отражения. Привычка — страшная сила. Зелёные глаза в зеркале всё ещё были чужими, но она уже не отводила взгляд. Она изучала.

Лицо Марка оказалось интересным. Не просто помятый парень с улицы, а кто-то, кого она определённо видела раньше. Эта мысль засела занозой. Где? Когда? Она перебирала воспоминания, как картотеку: бизнес-ланчи, конференции, аэропорты, — ничего. Но ощущение не уходило.

Квартира тем временем поддавалась. К четвёртому дню Алиса отмыла всё, что можно было отмыть. Стены, к которым, кажется, не прикасались с момента заселения, — протёрла. Плитку, заросшую жиром, — отскребла. Холодильник — вымыла, заполнила нормальной едой и повесила на дверцу магнитный блокнот для списка покупок. Напротив кровати, на очищенной от пыли стене, она приклеила скотчем большой лист ватмана, купленный в канцелярском за углом.

На ватмане она вывела маркером:

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

1. Работа (стабильный доход)
2. Финансы (аудит, долги, бюджет)
3. Здоровье (сон, еда, физическая активность)
4. Связь с Марком (контроль над ситуацией)
5. Активы (что можно использовать)

Пятый пункт она дописала после того, как нашла под кроватью выдавшую виды акустическую гитару и стопку тетрадей.

Тетради были исписаны мелким, корявым, но разборчивым почерком. Тексты песен. Алиса пролистала первую — так себе. Вторую — лучше. Третью — прочитала дважды. На середине четвёртой она поймала себя на том, что напевает строчку вслух, и осаждала себя. Но факт оставался фактом: парень был талантлив. Настоящий, сырой, непричёсанный талант, который валялся под кроватью вместе с пыльными носками.

Она села на пол и разложила тетради веером. Двенадцать штук. Двенадцать тетрадей песен, которые никто никогда не слышал. Которые он сам, судя по всему, не считал чем-то ценным.

— Идиот, — ласково сказала Алиса голосом Марка. — Ты законченный идиот.

Она сложила тетради аккуратной стопкой и убрала на стол. Не выбросила. Не задвинула обратно под кровать. Положила на стол, где лежали теперь только нужные вещи.

На следующий день она провела аудит финансов. То есть — села с телефоном Марка, нашла приложение банка и ужаснулась.

Просроченный платёж за квартиру. Ещё один. Кредит за какую-то аппаратуру — микрофон, кажется, — с пенями. Штраф за безбилетный проезд. Подписка на стриминговый сервис, которой он не пользовался три месяца, но не отменил. Денег на карте — три тысячи двести рублей до зарплаты.

Алиса закрыла лицо ладонями. Выдохнула. Открыла блокнот на телефоне и начала список.

Вечером того же дня она стояла за стойкой «Зёрен и Струн» и, дождавшись, когда схлынет поток посетителей, подошла к Серёге.

— Серёг, можно тебя на минуту?

Серёга оторвался от экрана, где сводил какой-то график, и поднял на неё усталые глаза.

— Чего, Марк?

Алиса оперлась локтями на стойку. Включила режим «управляющий проектами» — тот самый тон, которым она обычно начинала совещания на сорок втором этаже.

— У меня есть несколько идей. Они не займут много времени. Просто послушай.

Серёга скептически хмыкнул, но кивнул.

Алиса говорила три минуты. Предложила изменить расположение ингредиентов на рабочей станции — чтобы бариста тратили меньше времени на повороты и наклоны. Показала, как сгруппировать заказы по типу молока — это сокращало время ожидания в пиковые часы. Предложила завести карточки постоянных клиентов — не штампованные, а простые, бумажные, с рукописными именами: «в „Зёрнах“ любят аутентичность, это будет работать на атмосферу».

Серёга молчал секунд десять. Затем медленно кивнул:

— Знаешь, Марк... это дельные вещи. Особенно про постоянных клиентов. Откуда ты вдруг такой умный?

— Бессонница, — ответила Алиса. — Много думаю по ночам.

— Ну-ну, — Серёга хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Ладно. Давай попробуем перестановку в понедельник.

Алиса кивнула и вернулась к кофемашине. Маленькая победа. Крошечная. Но её победа.

Вечером она села за кухонный стол — теперь чистый, без следов доширака, — открыла ноутбук и начала переписывать резюме Марка. Затем составила список долгов и план их погашения. Попутно обнаружила в закладках браузера сайты музыкальных лейблов.

— Стратегия, Марк, — сказала она вслух. — Тебе нужна стратегия.

Где-то на другом конце города, в этот самый момент, Марк воплощал в жизнь свою собственную стратегию. Которая заключалась в полном отсутствии таковой.

— Творческий кризис? — переспросил ассистент, и его левая бровь дёрнулась. — Алиса Андреевна, у нас никогда не было формулировки «творческий кризис». Что мне писать в отчёте?

— Пиши: стратегическая перезагрузка, — Марк развалился в кресле Алисы и крутил в руках её золотую ручку. — Или нет. Пиши: «Руководство взяло паузу для глубинного анализа рыночных трендов». Красиво звучит?

Ассистент — его звали Арсений, и он явно обновлял резюме в уме каждые пять минут этого безумного утра — записал.

Три встречи Марк отменил. Первую — с юристами, потому что «с юристами скучно, Арсений, ты бы сам на такое пошёл?». Вторую — с подрядчиками, потому что «у них и так всё хорошо, пусть сами разберутся, они взрослые люди». Третью — с советом директоров, потому что «они меня в гробу видали, подождут».

Зато вечером он явился на благотворительный гала-ужин.

Приглашение лежало на столе ещё с прошлой недели. Чёрное платье Алисы — узкое, в пол, с открытой спиной — Марк дополнил кожаным плащом, найденным в дальней части гардеробной. Видимо, Алиса купила его в порыве «надо быть смелее» и ни разу не надела. Марк напялил плащ поверх платья, намотал на шею мужской шёлковый платок и покрасил губы тёмно-вишнёвой помадой — той самой, что Алиса держала для «особых случаев» и никогда не использовала.

В зеркале отражалась женщина, которую Алиса не узнала бы. Дерзкая. Немного опасная. Живая.

— Огонь, — сказал Марк своему отражению и подмигнул.

На гала-ужине он выпил три бокала шампанского, съел все канапе с икрой и вступил в разговор с каким-то пожилым магнатом, который имел неосторожность спросить:

— Алиса Андреевна, как вам текущая экономическая повестка?

— Скучная, — ответил Марк честно. — А вам? Вот вы — счастливы?

Магнат поперхнулся шампанским. Марк похлопал его по спине и продолжил:

— Я серьёзно. Вы каждый день просыпаетесь, идёте в офис, считаете деньги, покупаете очередной «Майбах». А смысл? Вот о чём вы мечтали в двадцать лет? И где это теперь?

К удивлению Марка, магнат не рассердился. Он помолчал, глядя в бокал, а потом сказал:

— Я хотел быть пианистом. Играл в джазовом ансамбле. А потом отец сказал: «Семейный бизнес». И всё.

— Ну вот видите, — Марк поднял бокал. — За джаз.

— За джаз, — эхом отозвался магнат и вдруг рассмеялся.

Они проговорили полчаса. Марк не помнил ни одного делового термина, но чувствовал людей — их усталость, их забытые мечты, их страх признаться себе, что жизнь прошла не так. И люди раскрывались перед ним, как бутоны. К концу вечера три бизнес-партнёра Алисы

почему-то считали, что провели лучший светский разговор в своей жизни. Ассистент Арсений записывал контакты и смотрел на начальницу глазами, полными суеверного ужаса.

На следующий день Марк прыгнул с парашютом.

— Алиса Андреевна, — сказал инструктор, сверяясь с документами. — У вас нет медицинских противопоказаний?

— У меня их куча, — весело ответил Марк. — Но я всё равно прыгну.

И прыгнул. Сорок секунд свободного падения, ветер, рвущийся в лёгкие, земля, летящая навстречу, — и дикий, серебристый хохот, который он издавал всё это время. Тело Алисы боялось, но тело Алисы и справлялось — адреналин гулял по венам, как хороший рок-н-ролл. Когда парашют раскрылся и мир затих, Марк выдохнул:

— Вот это да.

Вечером он пошёл в шумный ресторан — не тот, где Алиса проводила деловые ужины, а тот, где гремела живая музыка и танцевали на барной стойке. Он заказал бургер и пиво.

— Алиса Андреевна, вы же не пьёте пиво! — слабый голос Арсения потонул в гитарных риффах.

Марк только отмахнулся и вышел на танцпол.

И тут случилось странное.

Тело Алисы — то самое, которое она, по мнению Марка, замучила диетами и офисным стулом, — оказалось потрясающе музыкальным. Движения были плавными, точными, бёдра качались в ритм, руки поднимались сами собой. Не худое, не модельное — но сильное, мягкое, живое тело. Марк вдруг понял, что ему нравится. Очень нравится.

Он танцевал час. Или два. Время перестало иметь значение.

А потом, раскрасневшийся, счастливый, с растрёпанной причёской, вышел на улицу и глянул в телефон Алисы. Тридцать два пропущенных. Один номер — тот самый, незнакомый, — мелькал чаще всех.

Марк улыбнулся, сунул телефон в карман кожаного плаща и поймал такси.

— Куда едем? — спросил таксист.

— Пока не знаю, — ответил Марк. — Давайте просто... по городу.

Он опустил стекло, поставил лицо ветру и запел вполголоса. Его собственную песню. Ту самую, про рассвет.

Девушка в красном

Их пути снова пересеклись через неделю. В четверг, около полудня, в бутике на пересечении Садовой и Львиного переулка.

Алиса зашла туда с конкретной целью: купить одну приличную рубашку. Всего одну. Ту, в которой можно будет пойти на встречу с потенциальным работодателем, не чувствуя себя бродягой. Она уже две минуты стояла перед полкой с мужскими сорочками и с отвращением перебирала вешалки, когда за спиной мелодично звякнул колокольчик над дверью и в бутик вплыла она сама. То есть её тело — в плаще, накинутом поверх алого платья, с растрёпанной причёской и губами цвета вишни. Плащ развевался, несмотря на отсутствие ветра.

Алиса замерла. Пальцы застыли на рубашке.

Марк заметил её не сразу. Он целенаправленно двигался к стойке с кожаными куртками, где уже приметил чёрную косуху с серебряными молниями. Косуха висела на манекене — агрессивная, бунтарская, абсолютно чуждая гардеробу Алисы Андреевны. Именно поэтому Марк её и хотел.

Он сдёрнул куртку с вешалки, приложил к плечам и повернулся к зеркалу. В зеркале отразилась она — Алиса, только живая, дерзкая, какой оригинал себя никогда не позволяла. И чуть левее, у полок с рубашками, стоял он сам. Его собственное тело. В новых джинсах, чистой футболке, с прямой спиной.

Их взгляды встретились в зеркале.

— Ты, — сказала Алиса низким, чужим голосом.

Марк обернулся. Косуха всё ещё висела на его пальце — тонком, с безупречным маникюром, который он уже успел обновить, выбрав тёмно-синий лак вместо нюдового.

— О! — сказал он радостно. — А я думаю, кого это тело так выдрессировало? Рубашку, значит, покупаем? Скучную, однотонную?

Алиса не ответила. Она шагнула ближе и оглядела своё тело с ног до головы. Причёска — растрёпана, вместо элегантного пучка какое-то гнездо с выбившимися прядями. Помада — агрессивно-вишнёвая, из тех запасов «для особого случая», который у Алисы не наступал уже года три. На плече — кожаный плащ, который она купила в Милане четыре года назад после особенно тяжёлой сделки. Купила, повесила в шкаф и ни разу не надела. А теперь он был явно ношен — на рукаве виднелось пятно, кажется, от шампанского. И это алое платье под ним, которое она даже не помнила.

— Ты разорёшь мой бизнес и превращаешь мою жизнь в цирк, — произнесла Алиса. Её голос — его голос — звучал ниже обычного, с хрипотцой. — Ты отменил встречу с японскими партнёрами, я читала твоё интервью в деловом журнале! Ты прыгнул с парашютом, спустил

три тысячи долларов в моём любимом ресторане на ужин с какими-то музыкантами, ты купил мотоцикл!

— Не купил, — ухмыльнулся Марк. — Но присматриваюсь.

Алиса шумно выдохнула.

— А ты, — Марк ткнул в неё изящным пальцем с тёмно-синим лаком, — превращаешь мою жизнь в скучный график! Ты помыла посуду! Ты расписала мой день по минутам и приклеила к холодильнику список: «Проснуться — отжаться — завтрак — работа». Кто так живёт? Где импровизация? Где хаос? Ты даже носки мои разложила по цветам!

— Просто выбросила дырявые и постирала остальные.

— Вот! — Марк всплеснул руками, и косуха качнулась на вешалке. — Именно это я и имею в виду. Носки по цветам! А потом ты, наверное, завела табличку бюджета?

Алиса промолчала. Табличку она действительно завела. В экселе. С диаграммой долгов и прогнозом погашения.

— О боже, ты завела, — Марк расхохотался. — Слушай, я в твоём теле тут на днях встретил одного дядьку на гала-ужине. Знаешь, что он мне сказал? Что мечтал играть джаз, а стал магнатом. И знаешь, что я ему ответил? «За джаз». И он чуть не прослезился. А ты бы ему сказала: «Уважаемый, давайте обсудим синергию наших активов». И он бы уснул.

— Он бы заключил контракт, — холодно возразила Алиса.

— Контракт, — Марк фыркнул, — эти ваши контракты — просто бумажки. А я за вечер завербовал троих партнёров. Они теперь думают, что ты — гений человеческого общения. Я им рассказывал про музыку, а они кивали и подписывали всё, что Арсений подсовывал.

Алиса открыла рот. Закрыла. Посмотрела на своё тело — на это невозможное, яркое, нахальное тело, которое вело себя как хозяйка вселенной.

И вдруг замерла.

Потому что именно сейчас, в этом свете, с этой помадой, с этим плащом и растрёпанными волосами, она узнала себя. Не ту Алису, что заседала на сорок втором этаже. А ту, которую похоронила много лет назад. Асю. Девушку, которая носила косухи и ездила автостопом на рок-фестиваль.

Фестиваль.

Сцена.

Парень с гитарой на фоне заката.

Она смотрела на лицо Марка — его оригинальное лицо, которое теперь носила сама, — и вдруг вспомнила.

Господи. Это был он.

Тот самый парень. Семь лет назад. «Нашествие» или что-то вроде того — она тогда заканчивала магистратуру и сбежала на фестиваль тайком от отца. Стояла в толпе у сцены, глотала пыль и была абсолютно, безнадежно счастлива. А он играл на гитаре в разогреве у какого-то хедлайнера. Не хедлайнер — просто парень из малоизвестной группы. Но она запомнила его взгляд. И дурацкую татуировку на запястье — камертон и нотный стан.

Теперь эта татуировка была на её запястье.

Алиса почувствовала, как что-то внутри — жёсткое, годами выстроенное — дало трещину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.